Алекс Вестфорд

ТАЙНЫЙ БЛЭКВУД

Дела инспектора Уитмора

УБИЙСТВО В ПОМЕСТЬЕ ЭШКРОФТ

КНИГА ПЕРВАЯ

Алекс Вестфорд

Убийство в поместье Эшкрофт

«Автор»
2026

Вестфорд А.

Убийство в поместье Эшкрофт / А. Вестфорд — «Автор», 2026

Ноябрь 1932 года. Сэр Гидеон Эшкрофт приглашает близких к вечернему разговору, но не доживает до назначенного часа. В старом поместье каждый скрывает часть минувшего вечера: дочь, мечтающая уйти, племянник с чужой подписью под долговыми обязательствами, семейный поверенный и секретарь, знающая цену каждому распоряжению хозяина. Инспектор Артур Уитмор и сержант Томас Рид идут от кухонного подноса и пропавшей бронзовой птицы к счетам благотворительного фонда. Среди получателей обнаруживается имя Элеоноры Вейл — женщины, исчезнувшей восемь лет назад. Чтобы найти убийцу, придётся разобраться не только в деньгах, но и в молчании людей, слишком долго живших в чужом доме.

© Вестфорд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Убийство в поместье Эшкрофт 5
Глава 1. Вызов после ужина 6
Глава 2. Люди за столом 11
Глава 3. Светлая фигура 18
Глава 4. Домики фонда 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Алекс Вестфорд
Убийство в поместье Эшкрофт

Убийство в поместье Эшкрофт

Алекс Вестфорд

Глава 1. Вызов после ужина

Уитмор не сразу понял, почему констебль повторяет слово «суббота».

По телефону трещало. В гостинице уже погасили свет над стойкой, и миссис Фелл держала лампу так, чтобы инспектор видел записную книжку. Сквозь шум он расслышал название поместья, фамилию врача и просьбу приехать с сержантом.

— Сегодня суббота, сэр, — опять сказал Прайс.

— Я знаю. Что именно произошло?

— Сэр Гидеон мёртв. Доктор говорит, его ударили по голове. И у них приготовлены вещи к отправке. Бумаги тоже. Я велел ничего не выносить, но секретарь говорит, что утром…

— Вы правильно сделали. Кто сейчас в комнате?

— Никто. Я у двери. Доктор в холле.

— Оставайтесь там. Рид будет с вами через двадцать минут.

Он положил трубку. Миссис Фелл не спросила, кто умер: стояла достаточно близко, чтобы услышать.

— Послать за машиной?

— За сержантом. Кажется, он ещё внизу.

Рид нашёлся в маленькой гостиной, где пытался разобраться с географией Блэквуда по выцветшей карте. Они приехали накануне для проверки нескольких краж со складов; инспектор рассчитывал уехать в понедельник. Сержант уже успел познакомиться с возчиком, владельцем гаража и мальчиком, разносившим вечернюю почту. Теперь он застёгивал пальто, одновременно спрашивая, потребуется ли фотограф.

— Потребуется, — сказал Уитмор. — Но сначала выясним, что там осталось фотографировать.

Миссис Фелл протянула ему шарф.

— Не принимайте всё, что вам там скажут, за семейное дело.

— Вы хорошо знали сэра Гидеона?

— Достаточно, чтобы он со мной больше не здоровался.

Она не улыбнулась. Уитмор поблагодарил за шарф. Хотел спросить, из-за чего они поссорились, но наверху хлопнула дверь: Рид уже бежал за пальто.

В машине пахло сырой кожей. Рид протёр стекло изнутри рукавом, посмотрел на карту и переложил её инспектору.

— Вы повороты называйте. Здесь дороги идут не туда, куда нарисованы.

— Дороги обычно никуда не спешат, сержант.

— Вот именно. А Прайс ждёт.

Уитмор прижал карту к коленям. На ней жёлтым кружком был обведён склад, ради которого они приехали в Блэквуд. Ещё полчаса назад инспектор думал, как успеть к понедельнику передать местным последние документы и выбраться отсюда. Теперь склад казался делом другого человека.

— Завтра напомните сообщить о задержке, — сказал он. — Пусть продолжат без нас. У них есть показания возчика.

— Записал.

Рид вывернул со двора. У аптеки стояли двое мужчин под одним зонтом; увидев автомобиль, они отступили к стене. Один кивнул сержанту.

— Уже знакомые?

— Человек из гаража. Второго не знаю.

— Вы со всеми знакомитесь?

— Только с теми, от кого зависит, заведётся ли машина утром.

Уитмор хотел заметить, что это разумнее многих иных знакомств, но сержант уже смотрел на дорогу. Отсвет витрины лёг на его лицо, и инспектору вдруг стало неловко за собственное желание разговаривать о пустяках. Рид был молод; в этом человеке он пока знал главным образом аккуратную книжку и привычку слишком быстро отвечать «понял». Сегодня ночью им предстояло узнать друг о друге больше.

На первом повороте автомобиль качнуло. Уитмор упёрся ладонью в сиденье.

— Простите, — сказал Рид. — Канаву залило.

— Я видел.

— Не удержались бы за дверь? Ручка барахлит.

Инспектор отпустил ручку, за которую как раз собирался взяться. Сержант не посмотрел на него. Вообще в Риде была спасительная способность не замечать вслух чужой неловкости.

Из кармана пальто выпал уголок гостиничного счёта. Уитмор сунул его обратно и ощупал жилет: книжка, часы, карандаш. Всё на месте. В молодости он проверял это перед каждым выходом; потом перестал, счёл суеверием. С некоторых пор снова начал.

Миссис Фелл завязала шарф так туго, что воротник давил под подбородком. Инспектор ослабил узел и подумал, не просить ли Рида сбавить. Не попросил. Тот и без него выбрал скорость поменьше.

Дождь размазывал свет фар по дороге. За рынком кончились дома; затем из темноты выступила стена с двумя каменными шарами на воротах. Один шар был расколот, и белый срез резко выделялся на мокром камне. Рид затормозил перед человеком с фонарём.

— Садовник, — сказал тот. — Норр. Мне велели открыть.

Он поднял фонарь, но, увидев полицейских, опустил его прежде, чем инспектор успел рассмотреть лицо.

— Кто велел?

— Мисс Эшкрофт. Потом констебль.

— Когда вы узнали о смерти хозяина?

— Минут двадцать назад. Я живу за оранжереей.

Уитмор записал фамилию. Пока машина проходила ворота, Норр отступил в сторону и прижался спиной к стене, будто боялся задеть её мокрым рукавом.

У дома горело слишком много окон. Свет на втором этаже оставался ровным, а внизу двигался: кто-то переносил лампы из комнаты в комнату. Перед дверью под дождём стоял раскрытый зонт, забытый так давно, что на шёлке образовалась лужица.

В холле их встретила женщина с узлом ключей на поясе. В её тёмном платье и прямой спине было что-то служебное, однако говорила она с достоинством человека, который ещё утром управлял этим домом.

— Миссис Марч. Экономка. Констебль просил всех остаться.

— Все остались?

— Кроме кухарки. Она у себя, с мигренью. Я её проверяла.

— Попросите её пока не уходить дальше своей комнаты.

Экономка кивнула. С лестницы спускалась молодая женщина в зелёном платье; придерживала перила двумя руками и смотрела на ступени. За ней шёл высокий мужчина с редкими светлыми волосами. Он нагнал её на последней ступеньке, но руку предложить не успел: она прошла прямо к инспектору.

— Вы будете спрашивать, кто его нашёл. Это я.

— Мисс Эшкрофт?

— Клара. Доктор сказал, что мне лучше прилечь. Я не могла.

Уитмор представился. Мужчина за её плечом назвал себя доктором Фенвиком и попросил несколько слов наедине.

Они отошли к камину. Огонь был почти погашен; среди золы лежала целая чёрная головня.

— Травма затылка, — сказал врач. — Мне незачем притворяться, будто я могу назвать минуту смерти. Когда меня позвали, помочь уже было нельзя.

— Когда вас позвали?

— Без двух минут девять. Я посмотрел на часы в столовой. Мы ждали хозяина.

— Кто «мы»?

— Его сестра, племянник, мистер Мерсер и я. Клара вышла за отцом. Услышали её крик.

— Тело передвигали?

— Я осмотрел голову, проверил пульс. Клара держала его за руку. Больше никто не прикасался, насколько я видел.

Из двери справа выглянул Прайс. Он был моложе, чем казался по телефону, с красными ушами и шеей, натёртой воротником.

— Комната здесь, сэр.

— Рид, начните с фамилий всех, кто в доме. Запишите, кто заходил сюда после обнаружения. Потом попросите их по одному рассказать о вечере. Без общих обсуждений.

— Понял.

Сержант снял мокрое пальто и положил его на спинку стула. Экономка тотчас забрала пальто: маленький, бессмысленный жест, который, вероятно, помогал ей ещё чувствовать себя хозяйкой положения.

Картографическая комната оказалась тёплой. Название не было прихотью: карты висели на стенах, лежали под стеклом длинного стола, торчали из широких ящиков. Уитмор остановился у порога и дал глазам привыкнуть к направленному свету настольной лампы.

Гидеон Эшкрофт сидел в высоком кресле между столом и окнами. Со стороны двери был виден затылок, закрытый серой прядью, и правое плечо, опустившееся ниже левого. Голова ушла к груди. С первого взгляда человек и в самом деле мог показаться спящим. Со второго — уже нет.

Инспектор обошёл кресло, осторожно выбирая место для ног. Слева от ножки стола блестело что-то маленькое. Он не наклонился сразу.

— Свет таким был, когда вы вошли? — спросил он Прайса.

— Да. Только доктор зажёг верхнюю люстру, а я потом выключил. Не знал, можно ли.

— Сейчас можно. Сначала скажите, где вы стояли.

Констебль показал. Уитмор попросил оставить дверь открытой и пригласил врача. При верхнем свете комната утратила домашний вид. Появились следы подошв у порога, грязный отпечаток пальца на стекле шкафа и тёмная полоса на воротнике мёртвого.

Фенвик повторил то, что уже сообщил, добавив: рана могла быть нанесена тяжёлым предметом с довольно узким краем. Инспектор не стал просить большей определённости.

— Вы лечили его?

— Несколько лет.

— Он мог потерять сознание и удариться при падении?

— При таком положении тела? Кресло стоит ровно, спинка цела. Я не вижу, обо что именно. Но окончательное заключение должен дать тот, кто будет производить исследование.

Доктор говорил без желания понравиться. Уитмор отметил это с благодарностью.

На столе стояли чашка, маленький чайник и блюдце с ломтиком лимона. Чашка была почти полной. Над чаем образовалась тусклая плёнка. Рядом лежал листок с загнутым уголком, прижатый чернильницей; несколько слов закрывало блюдце.

— Здесь ничего не убирали?

— Подноса уже не было, — сказал Прайс. — Я спросил. Секретарь сказала, унесла его раньше.

— Раньше чего?

— Я понял — раньше, чем нашли.

— Потом уточним.

Инспектор вытащил карандаш, но к листку не прикоснулся. Вначале требовалось сохранить положение предметов. На полке за столом ряд атласов завалился вправо. Слева их поддерживал бронзовый грач на квадратной подставке. Справа лежал один том, упавший обрезом к стене; возле него в пыли виднелся чистый четырёхугольник.

— У этого грача была пара?

Прайс посмотрел на полку так, словно увидел её впервые.

— Сейчас узнаю.

— Нет. Сначала запишите, что видим мы. Не надо пока подсказывать остальным, чего нам не хватает.

Он присел возле стола. Блестевший предмет оказался маленькой латунной скрепкой, а рядом, в тени, лежал неровный зелёный треугольник. Ткань была ворсистой. Уитмор попросил конверты. Констебль покраснел и признался, что принёс только записную книжку.

— Бумага найдётся. Чистая. И пусть тот, кто принесёт, оставит её у порога.

За окнами шумела вода из переполненного жёлоба. Одно окно было закрыто, у другого нижний запор лежал горизонтально, не попав в гнездо. Уитмор осветил раму карманным фонарём. На внутреннем подоконнике лежала тонкая пыль без следов рук. На наружном стояла вода; вдоль нижнего края она образовала непрерывную дрожащую полоску.

Он посветил вдоль рамы ещё раз. Нетронутая пыль мешала самой простой догадке. В книжке появились две строки: «Запор не в гнезде. Следов на внутреннем краю не видно».

Прайс вернулся с бумагой и невысокой женщиной лет сорока, которая остановилась на пороге, не дожидаясь просьбы. На ней был серый костюм, чуть тесный в плечах; волосы гладко убраны. Левый рукав она держала правой рукой, как будто хотела спрятать пятно.

— Беатрис Лэнг. Я веду переписку сэра Гидеона. Констебль сказал, нужна бумага.

— Благодарю. Когда вы в последний раз видели его живым?

Она посмотрела мимо инспектора, в сторону кресла, и ответила не сразу:

— За ужином. Потом я занималась отправкой книг.

— Вы ужинали со всеми?

— До половины девятого. То есть не до половины. Простите. Он встал раньше, а я немного позже. Я могу свериться по своим записям.

— Пока не надо. Поднос вы уносили?

— Да. Чай оставила. Он не любил, когда ему мешали.

— Значит, после ужина вы всё-таки были здесь?

У неё дрогнули пальцы на рукаве.

— Разумеется. Я думала, вы спрашиваете, когда я с ним разговаривала.

Уитмор кивнул, не подтверждая её толкования.

— Какие книги вы готовили к отправке?

— Старые отчёты. Переплётчик в Глостере берёт их партиями. Ящик у меня в кабинете. В понедельник его должен забрать перевозчик.

— Он побудет здесь. Составьте список всего, что собирались отправить: книг, писем, посылок. Передайте сержанту. Пока ничего не открывайте и не дописывайте.

— Даже обычную почту?

— Пока даже её.

Беатрис опустила глаза на принесённые листы.

— На верхнем водяной знак. Если вам нужна совершенно простая бумага, в кабинете есть другая.

— Эта подойдёт.

После её ухода Прайс тихо сказал:

— Видели? Всё про бумагу. Будто он ещё может сделать ей замечание.

— Может быть, поэтому и говорила о бумаге.

Инспектор вложил зелёный обрывок в сложенный лист, отметил место находки, время и фамилию констебля. Скрепку поместил отдельно. Теперь можно было ещё раз осмотреть стол.

У раскрытой расходной книги под правую сторону был подложен пустой конверт. Из-за этого корешок не давал страницам сомкнуться. На левой странице шли фамилии жильцов, адреса и суммы; на правой несколько строк обведены тонким карандашом. Уитмор прочитал одну, затем вернулся к началу.

«Вейл, Э. Коттедж у нижней мельницы. Содержание. Октябрь 1930».

Ему показалось, что в комнате стало прохладнее, хотя огонь в камине горел ровно. Он поднёс лампу ближе, стараясь не задеть проводом чашку.

Прайс заметил перемену в его лице.

— Что-нибудь знакомое?

— Возможно. Эта книга должна остаться здесь до съёмки.

Он позвал Рида. Сержант явился с уже исписанным листом.

— Шестеро, кого нужно опросить первыми, не считая прислуги и садовника. Я…

Уитмор показал строку. Рид прочитал, не понимая.

— Вейл. Что с ней?

— Пока ничего. Постарайтесь узнать, кто жил у нижней мельницы в тридцатом году. Завтра, при свете. Начните с адреса, не с фамилии.

— Вы знаете эту женщину?

— Знал одну с такой фамилией.

Из холла донёсся голос миссис Марч: она уговаривала кого-то выпить воды. Потом другой голос, старше и резче, произнёс:

— Не говорите о нём так, будто он вас слышит.

Уитмор посмотрел на мёртвого. От сэра Гидеона остались несколько незаконченных действий: не выпит чай, не закрыта книга, не отправлен конверт. Всё остальное в доме уже пыталось превратиться в рассказы о том, что он намеревался сделать.

— Соберите их не вместе, — сказал он Риду. — Пусть каждый пока останется со своей памятью.

Когда сержант вышел, инспектор ещё раз проверил дату над обведённой строкой. Октябрь 1930 года. Она была написана вполне разборчиво.

Элеонору Вейл искали в ноябре двадцать четвёртого. Тогда за три дождливых дня не нашли ни её самой, ни человека, который мог бы с уверенностью сказать, куда она направилась. Уитмор ещё помнил, как легко в итоговой сводке появилось слово «вероятно» и как быстро все перестали его замечать.

Он закрыл записную книжку, оставив расходную раскрытой.

До утра в этом доме следовало сохранить гораздо больше, чем следы убийства.

Глава 2. Люди за столом

Первой Рид привёл Эстер Эшкрофт. Она вошла в библиотеку с таким видом, словно инспектор занял её место, и остановилась перед креслом, предложенным для беседы.

— Здесь сидел мой отец, когда разбирал приходские счета. Гидеон смеялся, что мебель наследует занятия своих владельцев.

— Можете выбрать другое кресло.

— Это было бы суеверием.

Она села. На Эстер было тёмно-синее платье, на плечах — светлая шерстяная шаль. Края её она расправила на коленях, прикрыв кисти рук. Ей было под шестьдесят; издали она казалась старше, вблизи — моложе, особенно когда смотрела прямо на собеседника. Взгляд у неё был внимательный и совершенно не растерянный.

Уитмор попросил рассказать о вечере с того момента, когда гости собрались к столу.

— Не гости. Семья. Доктор пришёл посмотреть Гидеона, а Лайонел остался после дневной работы. Миссис Лэнг ужинает с нами по субботам. Думаю, брат считал это знаком особого расположения.

— Вы так не считали?

— Я не стала бы выбирать из всех благ именно дополнительный час его общества. Но это личное мнение.

За ужином, по её словам, говорили о ветре, ценах на уголь и повреждённой крыше восточного крыла. Затем сэр Гидеон объявил, что в девять хочет встретиться со всеми снова.

— Он объяснил зачем?

— Сказал: «Пора узнать, сколько стоит наша доброта». Для него это означало деньги. В каком именно смысле, он не уточнил.

— Кто его понял?

— Возможно, все. Каждый по-своему.

Она рассказала, что брат ушёл до пудинга. После него встала Беатрис, сославшись на неоконченную работу. Клара задержалась ненадолго. Мерсер выходил — Эстер не знала на сколько. Джулиан ходил за сигаретами.

— А вы?

— Я сидела здесь. В библиотеке. Дверь в столовую была открыта.

Уитмор посмотрел на вторую дверь. Из библиотеки действительно можно было видеть часть длинного обеденного стола и край камина, но не людей у окон.

— Вы кого-нибудь видели из этого кресла?

— Доктора. Он стоял у огня. Джулиана, когда тот вернулся.

— Кто-нибудь видел вас?

Эстер впервые задумалась.

— Не знаю. Я была здесь. До сегодняшнего вечера этого вполне хватало.

— Вы заходили к брату после ужина?

— Нет.

— У него могли быть причины опасаться кого-то из присутствующих?

— У него были причины опасаться последствий собственного поведения. Это не одно и то же.

Она сказала это без нажима. Уитмор спросил, кто занимался жилищным фондом помимо сэра Гидеона.

— Лайонел проверял бумаги. Беатрис сводила счета. Ада знала, кому действительно нужно помочь. Гидеон решал, кому помощь будет полезна.

— Вы намеренно различаете эти вещи?

— Да.

В холле пробили часы. Эстер невольно повернула голову.

— Полночь? Мне показалось, позже.

— Вы хорошо слышите часы отсюда?

— Когда двери открыты. При закрытых слышен только бой. Эти часы достались нам от бабушки, и Гидеон всегда говорил, что они переживут нас всех. Сегодня он оказался прав.

Уитмор отпустил её, попросив пока не беседовать с остальными о своих ответах. Она поднялась, но у двери остановилась.

— Если будете расспрашивать Клару, не делайте выводов из того, что она заплачет. И из того, что не заплачет, тоже.

— Постараюсь.

Эстер ушла, оставив на спинке кресла короткий белый волосок шерсти. Инспектор заметил его и не тронул.

Пока Рид ходил за Джулианом, Уитмор вышел в холл размять ноги. У лестницы стояли две дорожные сумки: кто-то ещё надеялся уехать сегодня. На одной висела перчатка, на другой лежала газета, сложенная картинкой наружу. На картинке люди смеялись вокруг громадной тыквы.

Инспектор задержался возле камина. Миссис Марч как раз собирала стаканы. Один был надколот у края; она провела пальцем, проверила скол и отложила отдельно.

— Это хозяин отобрал бы в кладовую, — сказала она, заметив взгляд. — На цветы. Выбрасывать не разрешал.

— А вы?

— Я выброшу. Кто-нибудь губу порежет.

Она говорила тихо, словно проверяла, можно ли уже произносить подобные решения вслух. Уитмор подвинул к ней последний стакан.

— Спасибо. Чай принести?

— Не откажусь.

Экономка позвала Люси, но тут же передумала и пошла сама. Девушка сидела за дверью буфетной, обхватив руками колени. При приближении инспектора встала так поспешно, что ударилась плечом о косяк.

— Сидите, — сказал он.

Люси осталась стоять.

Миссис Марч вернулась с чашкой и посмотрела на девушку.

— Я просила тебя подняться. Тебя позовут.

— Констебль велел ждать здесь.

Экономка поджала губы. Не хотела спорить с полицией при горничной, но Уитмор уже понял, к чему идёт дело.

— Сейчас можно лечь. Если понадобится, сержант позовёт.

— А вы уверены, что ему сказали?

Это спросила Марч. Инспектор посмотрел на неё, потом кивнул.

— Сам скажу.

Люси ушла, прихрамывая: затекла нога. Экономка проследила, как она добралась до лестницы.

— Она с шести на ногах. Сначала доктор сказал оставаться, потом констебль, потом вы. А утром завтрак всё равно потребуется. Гости могут не спать, у них потом есть время.

Последнюю фразу она произнесла осторожно. Уитмор уже хотел сказать, что понимает, но вовремя удержался. Пока не напомнили, он действительно считал бодрствующую прислугу частью работающего дома: свет зажжён, двери открываются, кто-нибудь приносит чистую бумагу.

— Кто кроме вас дежурит ночью?

— В обычную ночь — никто. Не дворец же.

Она поставила поднос на столик. У неё дрожала левая кисть, и блюдца звякнули.

— Допейте чай в кухне, миссис Марч. Дальше мы сами. Констебль останется у комнаты. Утром вас понадобится много, но сейчас — нет.

Экономка не поблагодарила. Только пересчитала взглядом пустые стаканы и спросила, куда положить ключ от боковой двери. Инспектор показал на стол Прайса. Сам отнёс туда ключ, пока она несла поднос.

Когда Рид вернулся с племянником, Уитмор уже сидел на прежнем месте. Чай пах железом, как бывает от давно кипевшей воды. Он всё-таки выпил половину.

Следующим вошёл Джулиан. Он двигался слишком оживлённо для позднего часа: поправил лампу, предложил инспектору сигарету, потом спросил, можно ли курить самому. Получив разрешение, зажёг спичку, не попав с первого раза по коробку.

— Вы, должно быть, уже поняли, что мой дядя был непростым человеком.

— Пока я понял, что он был убит.

— Да. Разумеется. Простите.

Он взял сигарету в другую руку.

— После ужина я выходил наверх. За портсигаром. Можете спросить Люси, она была у лестницы. Потом вернулся к доктору. Мы говорили о… Я не помню, о чём именно. О дороге, кажется. В Глостер.

— Во сколько вы вернулись?

— Около без четверти девять. Возможно, раньше. Я не смотрел.

— С дядей сегодня разговаривали наедине?

— Днём.

— После этого?

— Нет.

— О чём был разговор?

— О моих делах. Не думаю, что они имеют отношение…

Он осёкся и стряхнул пепел, хотя на сигарете его ещё почти не было.

— Извините. Вы сами решите, имеют ли. Он отказался дать мне денег. В очередной раз. Теперь это выглядит ужасно.

— Что именно?

— Что мне были нужны деньги.

— Насколько срочно они вам нужны были?

Джулиан стряхнул пепел на собственную манжету. Стал счищать, только испачкал сильнее.

— Я не знаю, оставил ли он мне что-нибудь. Это вы спросите у Мерсера. Дядя любил говорить, что я получу долги семейства, раз уж так успешно увеличиваю собственные.

— Сколько вы ему должны?

Джулиан назвал сумму. Уитмор записал без комментария.

— А другим людям?

— Больше. Я составлю список.

— Сделайте это. Почему вы заговорили о завещании раньше, чем я спросил?

Молодой человек затянулся и закашлялся.

— Потому что теперь все об этом подумают.

— Возможно. Но не все скажут вслух.

Когда он вышел, Рид прикрыл дверь.

— Люси говорит, он был на лестнице раньше. Ещё до ужина.

— Он мог быть там дважды.

— Мог. Только она сначала сказала, что не видела его вовсе, а потом вспомнила сразу оба раза.

— Запишите последовательность её ответов. Пока без вывода, зачем она их меняла.

Сержант сел напротив инспектора.

— Я попросил Прайса отвести мисс Эшкрофт в маленькую гостиную. Она замёрзла. Доктор с ней. Мне не хотелось разлучать их ради порядка.

— Правильно. А миссис Лэнг?

— В своём кабинете составляет список. Дверь открыта. Миссис Марч сидит у кухни. Я объяснил, что пока лучше никому не оставаться с бумагами одному.

— И что она сказала?

— Что я могу сесть к ней сам, если мне нравится запах лука.

Уитмор впервые за вечер улыбнулся.

— Сядете, если понадобится.

Мерсер принёс с собой папку. Было в этом что-то почти вызывающее: пока остальные пытались вспомнить, он словно собирался представить доказательства заранее. Однако папку он положил на пол и раскрыл руки на коленях.

— Полагаю, вам потребуется знать имущественное положение семьи.

— Потребуется. Сначала расскажите, как прошёл вечер.

Поверенный говорил ровно, без пауз для поиска слов. Приглашение к ужину получил днём; явился в шесть, работал с Гидеоном до половины восьмого. Обсуждали продажу двух дальних полей и обязательства фонда. За ужином ничего необычного не случилось.

— Объявление о девятичасовой встрече не было необычным?

— Сэр Гидеон привык устраивать маленькие церемонии вокруг своих решений. Не придавайте этому лишнего значения.

— Он хотел говорить о проверке счетов?

Мерсер перестал смотреть на инспектора.

— Возможно. Он собирался пригласить независимого бухгалтера.

— Собирался или пригласил?

— Я видел проект письма. Отправлено ли оно, не знаю.

— Почему проверка понадобилась именно сейчас?

— Перед сделками принято устанавливать состояние обязательств.

— А до этого состояние фонда вас устраивало?

Поверенный поднял глаза.

— Если вы спрашиваете, проводил ли я ревизию, нет. Я проверял документы, относящиеся к собственности. Текущие выплаты находились в ведении хозяина и его секретаря.

— Так было установлено письменно?

— Есть протоколы. Я их предоставлю.

— После ужина вы выходили из столовой?

— Ненадолго. Мне позвонили.

— Кто?

— Мой служащий. По поводу понедельничной встречи.

— По какому телефону вы говорили?

— В заднем коридоре, возле кабинета миссис Лэнг.

Уитмор записал и имя служащего. Мерсер следил за карандашом так внимательно, словно от написания зависела сила его слов.

— В картографическую комнату не заходили?

Пауза длилась меньше секунды.

— После ужина — нет.

— А до ужина?

— Работали там с Гидеоном. Я уже сказал.

Папка на полу оказалась описью земель с приложенными копиями. Инспектор не принял её как замену разговору, но поручил Риду просмотреть и зафиксировать содержимое. Когда поверенный поднялся, из внутреннего кармана его пиджака выглянул уголок сложенного письма. Мерсер заметил взгляд Уитмора и застегнул пиджак.

Уитмор едва удержался от просьбы показать карман. Письмо могло быть чьим угодно: жены, кредитора, клиента. Он отметил жест, не спуская глаз с поверенного. Тот уже снова взялся за свою папку.

Клара пришла без врача. Она уже переоделась: на ней были юбка и шерстяная кофта, застёгнутая не на ту петлю. На руке выше запястья темнел небольшой след земли, который она не заметила при умывании.

— Я могу рассказать сама. Не надо начинать с вопроса, держусь ли я.

— Хорошо.

Она села боком, чтобы видеть открытую дверь.

Отец ушёл от стола раньше остальных. Клара задержалась до кофе, затем поднялась в свою комнату. Без нескольких минут девять спустилась и направилась за ним.

— Постучала. Он не ответил. Я подумала, что делает это нарочно. Он иногда…

Она провела ладонью по колену.

— Потом я вошла. Спросила, идёт ли он. Мне показалось, что он сердится. Я подошла и взяла его за руку. Она была совсем неподвижная. Я не знаю, почему это так меня испугало. Он же сидел неподвижно и раньше.

— Вы сразу позвали доктора?

— Не помню. Я помню, что хотела повернуть кресло и не смогла. Потом доктор уже был рядом.

— Вы заметили на столе что-нибудь необычное?

— Книгу фонда. Утром он не хотел её открывать. Беатрис сказала, что переплёт расходится и страницы перепутаются. Он велел принести вечером.

— А что лежало рядом с книгой?

— Чашка. Папка. Лимон. Я не рассматривала.

— Вы были в парке после ужина?

Она повернулась к нему всем корпусом.

— Почему вы спрашиваете?

— У вас на руке земля. Возможно, ещё дневная.

Клара посмотрела на запястье и стёрла пятно большим пальцем.

— Я работаю в саду. Это бывает.

— Значит, не выходили?

— Не в парк.

Он оставил ответ без уточнения. Было уже далеко за полночь, и усталость могла сделать из неудачно поставленного вопроса ловушку, которой инспектор не желал.

— Вы знаете дом у нижней мельницы?

— Там нет дома.

— Сейчас?

— Там старое сушильное строение и навес. Может быть, вы говорите о верхней мельнице?

— Возможно. Завтра покажете на карте.

Клара поднялась.

— Вы думаете, его убил кто-то из нас?

— Я пока устанавливаю, кто мог к нему подойти.

— К нему мог подойти любой. В этом и была беда. Он не боялся людей, которые от него зависели.

Она произнесла это так тихо, что Рид, сидевший у двери, наклонился вперёд.

После Клары Уитмор сделал перерыв. Прайс принёс чай и сообщил, что фотограф приедет утром из окружного города. Ночью свободной машины там не нашлось. Инспектор распорядился сохранить комнату до съёмки и назначил смену констеблю: тот уже с трудом различал строчки собственной записи.

— Мне не обязательно спать, сэр.

— Обязательно. Но сначала покажите, как вы входили в дом.

Они прошли служебным коридором. Здесь пахло сырым деревом и горячим железом. У стены стояли два пустых угольных ведра; за ними был телефон на отдельной полочке. Напротив — наружная дверь с тяжёлой задвижкой. В конце коридора виднелся кабинет секретаря.

Беатрис поднялась им навстречу. На столе у неё лежал аккуратный список из семи пунктов. Внизу, под письменным столом, стоял деревянный ящик, обёрнутый плотной коричневой бумагой и дважды перевязанный бечёвкой. На крышке было выведено: «Книги. Переплётная мастерская Х. Берроуза».

— Здесь всё, кроме писем, которые ещё не были подписаны, — сказала она. — Их я перечислила отдельно.

— Кто закрывал ящик?

— Я. Миссис Марч помогла с узлами. У меня не хватает силы затянуть как следует.

— Когда?

— Незадолго до того, как закричала Клара. Минут за пять, может быть, за десять.

Уитмор попросил её не трогать ящик и указал Риду записать адрес, надписи и состояние упаковки. Сержант присел у стола, не касаясь бечёвки.

— А ключи от кабинета у кого?

— У меня. Второй комплект у миссис Марч, как от всех служебных помещений.

— Дверь сегодня запирали?

— Я работала. В этом не было надобности.

Рид зарисовал два перекрещенных узла и заметный надрыв бумаги у нижнего угла. Затем они с Прайсом вынесли ящик в маленькую кладовую, где не было ни окна, ни второго входа. Экономка освободила для него полку и отдала ключ констеблю. Уитмор поставил на закрытой двери бумажную полоску с подписями Рида и Прайса; условились, что каждый вход будет отмечен в журнале.

— Думаете, в отчётах есть что-то важное? — спросила Беатрис.

— Пока я думаю, что после смерти хозяина не следует отправлять из дома его бумаги.

— Он не разрешал никому задерживать деловую почту. Даже когда болел.

— Теперь разрешение придётся дать мне.

Она кивнула и протянула список. Рука у неё была сухая, на указательном пальце темнела полоска чернил.

Миссис Марч проводила полицейских до холла. Здесь уже почти всё погасили. За стеклом парадной двери виднелись тёмные колеблющиеся ветви.

— Я закрыла наружную дверь в половине десятого, после того как садовник впустил вашу машину и вернулся к себе, — сказала экономка. — До этого не знаю. Слишком много ходили.

— Машина прибыла позднее, — мягко поправил Рид. — После десяти.

Экономка остановилась.

— Значит, после десяти. Я уже не понимаю, сколько прошло времени.

Инспектор посмотрел на часы над лестницей. По его карманным было на минуту меньше.

— Миссис Марч, давайте утром ещё раз. Только не сверяйтесь до этого с остальными. А то я получу одну общую историю на весь дом.

— Красивой она всё равно не будет, — ответила экономка.

В гостиницу они вернулись около трёх. Рид вынул из кармана лист со списком имён и разложил на столе, прижав солонкой.

— Все выходили. Почти никто не смотрел на часы. Ни у кого нет хорошего алиби.

— Значит, мы ещё никого не исключили.

— Удобная ночь для убийцы.

Уитмор налил себе холодной воды из графина.

— Возможно, он тоже так думал.

Сержант подвинул к нему чистый лист.

— А эта Вейл? Я не стал спрашивать при остальных.

Уитмор некоторое время смотрел на бумагу. Потом написал дату: шестнадцатое ноября тысяча девятьсот двадцать четвёртого года.

— С этого начнём утром. Но не позволим старому делу ответить нам вместо нового.

Глава 3. Светлая фигура

Утром в Эшкрофте пахло кофе и мокрой шерстью. Над камином в холле сушились перчатки констебля, приехавшего сменить Прайса; их пальцы загнулись кверху, словно владельцу продолжали сниться вопросы.

Рид пришёл раньше инспектора. Он нашёл миссис Марч у кухонного стола. Экономка резала хлеб, отставляя в сторону неровные ломти для себя.

— Люси сейчас спустится, — сказала она. — Я велела не начинать уборку наверху, раз вы всё равно будете её расспрашивать.

— Вы спали?

— Часа два. Если вам нужен честный ответ, я заснула на молитве и, кажется, так её и не закончила.

Она подвинула к нему чашку.

— Сахар там. Только, пожалуйста, сами. У меня нож в руке.

Рид сел. Его давно научили, что человек охотнее замечает следы собственной памяти, если не чувствует необходимости немедленно её защищать.

На стене над плитой висели часы с потрескавшимся циферблатом. Он сверил их с карманными. Расхождение составляло две минуты.

— Они всегда спешат?

— На две минуты. Я оставляю так, иначе завтрак подадут вовремя по часам, а по жизни поздно.

— Вчера тоже спешили?

— Вчера утром я их проверяла.

— С чем?

— С часами в холле. Но если вы хотите спросить, посмотрела ли я на них, когда миссис Лэнг вернулась с подносом, то да. Было семнадцать минут девятого… Нет. Боже мой.

Она положила нож.

— Давайте не торопиться, — сказал Рид. — Восьмой час или девятый?

— Четверть до девяти. Вот. Стрелка была здесь.

Экономка показала рукой в сторону циферблата, не подходя к нему.

— Я поставила форму в печь в половине. Решила вынуть через четверть часа. Когда она принесла поднос, посмотрела, не пора ли.

Сержант записал не только время, но и форму. Можно было ошибиться в цифре, названной после бессонной ночи, и всё же правильно помнить бытовое действие.

— Кто ещё был на кухне?

— Кухарка ушла, как закончила с ужином. Люси подавала кофе. Миссис Лэнг вернулась, поставила поднос, спросила, не возьму ли я у неё бечёвку. Потом мы завязывали ящик. Я ещё сказала: хорошо, что Берроуз не берёт дороже за вес.

— Ящик показался вам тяжёлым?

— Там книги, сержант. Они не бывают лёгкими.

— Вы видели, что в него положили?

— Верхний ряд. Отчёты с истёртыми корешками. Я принесла бумагу и помогла перевязать, а укладывала она до меня. Что именно вы хотите узнать?

— Пока — что вы видели сами.

Миссис Марч кивнула. Ей, по-видимому, понравилась скромность вопроса.

Люси вошла через несколько минут. У неё были красные веки и распухшие пальцы; свежий передник она надела поверх вчерашнего платья. Увидев Рида за кухонным столом, она резко остановилась.

— Я могу подождать, пока вы позавтракаете, — сказал он.

— Я не хочу.

— Тогда хотя бы сядьте.

Экономка отодвинула хлебную доску и ушла в кладовую. Дверь оставила приоткрытой. Рид не стал требовать большего уединения.

— Вчера ночью вы сказали, что после чая видели мисс Эстер у картографической комнаты.

— Да.

— Покажете, откуда?

Люси встала с очевидным облегчением. Слова давались ей тяжелее, чем работа, и возможность просто куда-то пройти была почти подарком.

Они вышли в задний коридор. Горничная остановилась возле двери бельевой.

— Я несла скатерть. С чистой стороны была дырка, миссис Марч велела сменить перед кофе. Дверь была открыта. Я увидела, как она идёт оттуда.

— От какой двери?

— От комнаты с картами. Там, дальше.

Из бельевой был виден короткий участок коридора и служебный вход в картографическую комнату. Между ними висела лампа с матовым стеклом. Рид присел, затем выпрямился и отошёл в сторону.

— Если человек идёт от той двери к кабинету, вы видите его лицо?

Люси посмотрела на него настороженно.

— Если он обернётся.

— А она обернулась?

— Нет.

— Почему вы решили, что это мисс Эстер?

— Из-за шали. Светлая. И она бывает там, когда пишет свою книгу.

— Вы видели шаль или светлую одежду на спине?

Горничная опустила взгляд.

— Мне показалось, шаль.

Сержант не повторил вопрос. Через несколько секунд она добавила:

— Что-то было сложено перед ней. Она держала обеими руками. Я подумала, бумаги.

— Походку узнали?

— Нет. Я не смотрела на ноги.

— Рост?

Люси беспомощно посмотрела на лампу.

— Как у всех.

В это время из холла подошёл Уитмор. Сержант коротко объяснил, что удалось установить, не называя человека в коридоре Эстер.

— Кто из обитателей дома носит светлое поверх платья? — спросил инспектор.

— Мисс Эстер. Мисс Клара иногда, если холодно. У миссис Лэнг есть пыльник для книг.

— Какой?

— Холщовый. Рукава длинные. Она его надевает, когда вынимает старые бумаги.

— А у вас?

Люси удивилась.

— Передник. Но он завязан сзади. Вы бы увидели.

Инспектор попросил показать пыльник. Девушка направилась к кабинету секретаря, но, не дойдя, остановилась.

— Без неё нельзя.

— Разумеется. Мы спросим.

Беатрис нашлась в столовой. Перед ней лежал нетронутый тост. Она ответила, что пыльник должен висеть на крючке за дверью кабинета.

Крючок оказался пустым.

— Его взяли стирать, должно быть, — сказала она.

Люси помотала головой. Беатрис посмотрела на неё без раздражения, но девушка попятилась.

— Вчера не стирали, мэм.

— Значит, я сама положила его. Он мог остаться в архивном шкафу.

Секретарь открыла шкаф. Между свёрнутыми планами лежала какая-то ткань, однако это оказалась наволочка, в которую завернули старые рамки. Беатрис перевернула ещё одну пачку и закрыла дверцу.

— Найду — сразу сообщу. Не уверена, что вообще надевала его в последние дни.

— Мы попросим пока не искать в одиночку, — сказал Уитмор. — Чтобы потом не возникло сомнений, где находились вещи.

Она согласилась.

Вернувшись в коридор, инспектор попросил Люси показать, как она шла со скатертью. Горничная взяла из бельевой сложенное полотно, и оба полицейских увидели, что на этом участке почти неизбежно приходится поворачивать плечо: мешает выступающий шкаф с посудой.

— Можете вспомнить, человек повернулся здесь? — спросил Рид.

— Я уже не знаю.

— Тогда так и запишем.

Она сжала скатерть.

— Но я сказала констеблю про мисс Эстер. Теперь он подумает, что я вру.

— Скажите ему, что уточнили, — ответил Уитмор. — Так, как нам сейчас сказали. Он поймёт.

Люси попробовала улыбнуться. Не вышло. Она сложила скатерть ещё раз, хотя та и без того лежала ровно.

— Во сколько это было? — спросил сержант.

— После чая. До того, как миссис Лэнг принесла поднос. Я успела отнести скатерть, забрать кофейник и зайти к кухарке. Ей уже было плохо.

Так появлялась последовательность без точных минут. Рид отметил три действия. Их ещё можно было проверить у других людей.

— Теперь про мистера Джулиана, — сказал он.

Девушка прижала скатерть к груди.

— Что про него?

— Вчера вы сначала не вспомнили, что встречали его на лестнице. Потом вспомнили. Утром, после сна, бывает легче.

— Я не спала.

— Тогда после завтрака.

Она почти улыбнулась, но тотчас опустила голову.

— Я видела его до ужина. И потом тоже. Он шёл наверх, как и сказал.

— До ужина он откуда шёл?

— Из холла.

— Вы видели, откуда он вошёл в холл?

— Нет.

Она произнесла это слишком быстро. Уитмор оставил вопрос и попросил пока вернуться к миссис Марч. Не следовало проверять одну ненадёжную память давлением, которое неизбежно сделает ненадёжными и следующие ответы.

Фотограф приехал около десяти. Вместе с ним прибыл врач, которому предстояло произвести дальнейшее исследование. Уитмор проследил, чтобы до перемещения тела были сняты кресло, стол, полка с атласами и пол у стола. Зелёный треугольник уже находился в пакете; место, где его нашли, отметили на плане.

При дневном свете незапертое окно выглядело менее таинственно. Сквозь стекло были видны низкая клумба, дорожка и ровная полоса почвы у стены. На мокрой земле не сохранилось никаких ясных отпечатков, но куст под подоконником не был сломан, а на внутреннем краю всё ещё лежала пыль.

Рид принёс деревянную линейку и измерил высоту подоконника со двора. Затем попросил Прайса, оставшегося внутри, указать, где снаружи оказалась его голова. Они повторили это дважды, с разных мест дорожки.

— Войти можно, — сказал сержант, вернувшись. — Только неудобно. Нужна опора. Следы могли смыться, но пыль с внутреннего края дождь не смыл бы.

— Значит, пока вход через окно не подтверждён.

— И не исключён совершенно.

Уитмор кивнул.

В холле их ожидала Эстер. Она держала свою шаль сложенной вчетверо.

— Люси сказала, что по моей одежде меня уже поместили в коридор.

— И сама уточнила, что лица не видела.

— Разумная девочка. Вот шаль. Полагаю, теперь её необходимо исследовать.

— Если вы готовы временно её оставить, мы зафиксируем состояние.

— «Готова» — не совсем то слово. Но оставлю.

Сухой тон не скрывал обиды. Инспектор подумал, что человеку иногда легче перенести прямое обвинение, чем узнать, насколько малых оснований достаточно окружающим, чтобы представить его способным на преступление.

Эстер осталась, пока Рид оформлял передачу. Взгляд её остановился на расходной книге, которую после съёмки положили на отдельный стол в холле. Лампа над столом была зажжена, хотя за окнами стоял день.

— Вы нашли то, из-за чего он нас собирал?

— Возможно. Вы знаете, кто такая Элеонора Вейл?

Ответ пришёл не сразу. Эстер расправила пустые ладони, словно всё ещё держала шаль.

— Девушка, которая работала с нашими бумагами. В двадцать четвёртом.

— Что случилось с ней потом?

— Исчезла. Вы должны помнить лучше меня.

Инспектор поднял глаза.

— Вы меня помните?

— Помню молодого человека, который три раза приходил за сведениями и всякий раз начинал извиняться, прежде чем задавал вопрос. Вы перестали извиняться. Это полезное изменение.

— А вы тогда что-нибудь не сообщили?

Она посмотрела в сторону лестницы.

— Почти каждый что-нибудь не сообщает полиции. Даже если у него нет к ней претензий.

— Сейчас хороший случай исправить.

— Сейчас у меня умер брат.

— Да. Поэтому я и спрашиваю сейчас.

Эстер приблизилась к столу, но не прикоснулась к книге.

— Гидеон говорил, она уехала. Я не знала, на чём основана его уверенность. Мне было удобнее считать, что у него есть основания.

— Он упоминал её позднее? Например, в тридцатом году?

— При мне — нет.

— Вы узнаете адрес «коттедж у нижней мельницы»?

Её лицо переменилось. Не сильно: губы остались сомкнутыми, подбородок не дрогнул. Только глаза остановились на странице.

— Нижнюю мельницу разобрали ещё при отце. Рабочее здание, я имею в виду. Там оставался сарай. Дом мельника стоял выше по склону, и его снесли после войны. Насколько я помню, в двадцатом.

— Это можно проверить?

— В наших планах. Там всё есть, если никто не решил, что старые бумаги занимают слишком много места.

Она показала на дверь картографической комнаты.

Рид открыл записную книжку на новом листе.

— Нам потребуется план до сноса и после. Кто их достанет?

— Я могу, — сказала Эстер. — При вас, разумеется.

Уитмор услышал в последних словах вызов и принял его без ответа.

В картографической комнате уже было пусто. Кресло отодвинули; на столе остались белые прямоугольники бумаги, отмечавшие положение предметов. Эстер замерла у порога. Смерть брата, пока тот находился в доме, казалась ей, вероятно, особой формой его присутствия. Теперь исчезло и это.

Она всё же прошла к широким ящикам под картами и вынула два тубуса. Рид расстелил первый план на свободном конце стола. Эстер показала мельничный ручей, сушильню, старую плотину и маленький квадрат с подписью «дом».

На втором плане квадрат был перечёркнут. Внизу стояла дата: июнь 1921 года. Рядом карандашом: «Остатки фундаментов убрать».

— Вы ошиблись на год, — сказал Рид.

— Да, — ответила Эстер. — Спасибо, что нашли.

Инспектор сопоставил положение дороги и ручья с записью в книге. Само по себе это ещё ничего не доказывало. В расходах могло сохраниться старое название; деньги могли идти жильцу, переселённому в другое место. Счётные книги переживали здания и людей. Но теперь имелся вопрос, на который нельзя было ответить семейной памятью.

— Поедем туда, — сказал он.

На выходе Рид задержался у шкафчика в коридоре. На верхней полке лежала забытая Люси скатерть, рядом — несколько карточек с фамилиями гостей, которые полагалось поставить к ужину. Они так и не понадобились: вечер оказался слишком семейным для рассадки по карточкам.

Сержант взял одну, упавшую на пол. На обороте стояло несколько слов, написанных крупно и неровно: «За брата ещё раз спасибо. Л. П.» На лицевой стороне было имя Джулиана.

Рид не показал карточку инспектору сразу. Позвал Прайса, отметил место находки и вложил её в бумажный пакет.

Люси могла обманывать ради человека, который сделал ей добро. Это ещё не объясняло, что она скрывала, зато позволяло не принимать её страх за свидетельство чьей-то жестокости.

Уитмор ждал у двери. Увидев пакет, он вопросительно поднял брови.

— Ещё одна причина не торопиться, — сказал Рид.

Инспектор кивнул, и они вышли к машине.

Глава 4. Домики фонда

Дорога к мельнице оказалась лучше, чем предполагал Рид. На плане она была обозначена тонкой пунктирной линией, но недавно по ней проезжали с грузом: у поворота лежал свежий щебень, а под вязами сохранялись глубокие колеи.

— Кто-то сюда всё-таки ездит, — заметил сержант.

Уитмор попросил остановиться до спуска. Они пошли пешком, обходя лужи. Внизу между голыми ивами серебрилась вода. От мельницы остался прямоугольный каменный выступ, а к старой сушильне примыкал навес с провалившимся краем крыши.

Там, где на плане прежде стоял дом, росла высокая трава. Сквозь неё выступал ряд кирпичей. Ни дымохода, ни целой стены не сохранилось.

Рид развернул копию записи, которую сделал утром.

— «Содержание. Октябрь 1930». Может быть, деньги на содержание участка?

— Тогда зачем фамилия жильца?

— Потому что не исправили старую форму. Или потому что это получатель.

— Обе возможности пока остаются.

Они обошли сушильню. На двери висел новый замок; доски возле петель были укреплены светлыми планками. Рядом стояли связки кольев и несколько мотков проволоки. Кто-то хранил здесь садовый инвентарь. Уитмор не стал прикасаться к замку. Они приехали проверять адрес, а не превращать любой запертый сарай в тайник.

По тропе сверху спускалась женщина в тяжёлых башмаках, с маленькой девочкой за руку. Увидев полицейских, женщина остановилась.

— Вы из-за хозяина?

— Инспектор Уитмор. А вы?

— Нора Дейл. Живу выше, где домики фонда. Она моя внучка.

Девочка спряталась за юбку и продолжила смотреть на Рида одним глазом.

— Миссис Дейл, здесь кто-нибудь жил в последнее время?

— Если вы имеете в виду бродяг, не видела. Садовник хранит инструменты. Иногда мальчишки ловят рыбу, но я им говорю, что тут глубокий ил.

— А в доме, который прежде стоял на склоне?

— В доме Мортона? Его давно снесли. Миссис Мортон переселили к нам. Третий дом от колодца.

— Она ещё там?

— А куда ей деться? Дочь живёт в двух комнатах со своими детьми.

Уитмор спросил, не знала ли миссис Дейл женщину по имени Вейл. Та переспросила фамилию, произнесла её по слогам и покачала головой.

— Я бы лучше у миссис Мортон спросила. Она всё помнит. Только не говорите, что я вас послала, а то решит, будто мне нечего делать, кроме как распоряжаться её утром.

Она повела внучку к воде. Рид задержался на тропинке и посмотрел вслед.

— Если у нас хватит времени, я бы вернулся к этим колеям.

— Вернёмся. Сначала выясним, почему человек получает деньги на жизнь в доме, которого нет.

Домики стояли полукругом вокруг колодца. Одинаковые двери были выкрашены в тёмно-зелёный цвет, но каждая семья успела сделать общий замысел неповторимым: у одной висела клетка для птицы, у другой стояли пустые банки из-под варенья с луковицами, у третьей крыльцо защищала от дождя старая театральная афиша, прибитая оборотом наружу.

В воскресной тишине слышались стук топора и кашель за стеной. Из дальнего окна тянуло запахом капусты.

Миссис Мортон открыла не сразу. Она была в чёрном платье, слишком большом в талии, и в шерстяных чулках, сползших складками к туфлям. На пальце носила два кольца: одно свободно вращалось, другое держало его на месте.

— Если вы пришли сообщить, я уже знаю, — сказала она. — Нора постучала по дороге.

— Мы пришли спросить о старом доме возле мельницы.

Женщина с минуту смотрела на инспектора, затем отступила.

— Проходите. Только стул у окна не берите, он шатается.

В комнате стоял маленький стол, накрытый чистой салфеткой. На каминной полке теснились фотографии, между ними — фарфоровая собака с отбитым ухом. Уитмор положил шляпу на колени. Рид сел на край сундука.

Миссис Мортон рассказала, что её муж работал у мельницы, а после его смерти она оставалась в старом доме одна. Потом фундамент пошёл трещинами. Сначала обещали починить, затем предложили переселиться в один из домиков фонда.

— Предложили, — повторила она. — Как предлагают человеку сухое место, когда уже сняли с его крыши половину черепицы.

— Вы не хотели уезжать?

— Я прожила там тридцать лет. Это не значит, что там было хорошо. Просто там все вещи стояли на своих местах.

— Кто занимался переселением?

— Старый управляющий. Сэр Гидеон подписывал. Мистер Мерсер объяснял, что мне очень повезло.

Она аккуратно сложила руки.

— Потом мне перестали давать уголь. Сказали, новый дом меньше, топлива надо меньше. Дочь написала, чтобы я не спорила: иначе и этот отнимут. Я не спорила.

— Вам положены какие-нибудь выплаты от фонда?

— Немного зимой. Были положены.

— Почему «были»?

— Последние два года я ничего не получала. Миссис Лэнг сказала, что деньги идут на починку крыш. На крыши я ничего не имею, только моя как текла, так и течёт.

Рид спросил, не сохранились ли старые расписки. Миссис Мортон посмотрела на него с недоверием.

— Неужели вы хотите, чтобы я вернула?

— Нет. Нам нужно понять, как записывали выдачу.

Она встала, отодвинула сахарницу и достала с полки жестяную коробку. Внутри лежали письма, квитанции за уголь и несколько выцветших карточек. На одной были напечатаны фамилия, номер дома и графы для выдачи. На другой вместо фамилии стояло «Жилец № 3».

— Вначале мне давали карточку. Потом стали говорить: распишитесь в книге. Я плохо вижу, потому просила поставить мне палец, где писать. Дочь ругалась. Сказала, что так я могу подписать что угодно.

Уитмор просмотрел карточки. Разные годы, разные формы. Выдача значилась то помощью, то возвратом переплаты, то «прочим содержанием». По такому набору нельзя было понять, имелась ли единая система, которой нарушитель мог воспользоваться, или беспорядок и был системой.

— Кто приносил книгу?

— Когда миссис Лэнг, когда конторский мальчик. Иногда миссис Марч приносила деньги без книги и потом сама разбиралась с бумагами.

— Вы уверены, что это были деньги фонда?

Миссис Мортон задумалась.

— Нет. Ада однажды сказала, что от церкви. Может быть, и от церкви.

Инспектор попросил разрешения переписать карточки и временно забрать две из них под расписку. Женщина согласилась не сразу; Рид объяснил, когда и через кого их вернут.

— А если их увидит хозяин? — спросила она и сама услышала невозможность вопроса.

Никто не ответил. За стеной снова закашляли.

— Всё думаю, что он пришлёт за мной, — сказала миссис Мортон. — Что теперь будет с домиками?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.